

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 141

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-79

АПОФАТИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ В ДИАЛОГАХ НИКОЛАЯ БАХТИНА

И. А. Аполлонов¹ И. А. Чистилина²

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

¹e-mail: obligo@yandex.ru

²e-mail: irina_chistilina@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются диалогические основания личностной самоидентификации человека в пространстве культуры на примере диалогов Н. М. Бахтина.*

Актуальность работы связана с возросшим значением опыта живого диалога, который в современной информационной реальности с одной стороны предстает как возможность для невиданного самовыражения и пространства для общения и обмена смыслами, с другой, как реальная опасность утонуть в кафонии разноголосицы и потери себя.

Цель работы – посредством герменевтического прочтения трудов Н. М. Бахтина, показать, что посредством диалога формируется личностная идентичность человека, путем бытийного вопрошания: «Кто я?».

Авторы используют герменевтический подход к прочтению философских трудов Н. М. Бахтина, а также компаративистский анализ его идей и идей ведущих философов современности. При этом не только анализируется сходство идей Н. М. Бахтина с главными философами постмодернизма, но и обосновывается значимость его произведений в проблематике современной философской мысли.

Авторы приходят к выводу, что диалоги Николая Михайловича Бахтина являются замечательным примером опыта диалога, который обретает экзистенциальное измерение, обращенное к самой сути человеческого существования. Николай Бахтин предстает как мыслитель, стремящийся к живому опыту философии, пытающийся найти путь к подлинной культуре, собирающему и оформляющему себя в простое и цельное единство в пространстве подлинной культуры иерархически упорядоченного космоса. Благодаря этому напряжение диалога удерживает живое звучание слова, готового обернуться делом, и не даёт голосам собеседников выпасть в монологическую однобокость, вырождается в искусственные схемы, разождествляющие и порабошающие личностную целостность человека.

***Ключевые слова:** личностная идентичность, культура, диалог, ценность, смысл, майевтика, деконструкция, апофатический холизм, Н. М. Бахтин.*

***Благодарности.** Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-413-230020 р_а «Глобальная, национальная и региональная идентичность молодежи Кубани в контексте представлений о будущем».*

***Для цитирования:** Аполлонов И. А., Чистилина И. А. Апофатическая целостность человека и культуры в диалогах Николая Бахтина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 79–86. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-79.*

АПОФАТИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ В ДИАЛОГАХ НИКОЛАЯ БАХТИНА

I. A. Apollonov¹, I. A. Chistilina²

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

¹e-mail: obligo@yandex.ru

²e-mail: irina_chistilina@mail.ru

***Abstract.** The article discusses the dialogical foundations of a person's personal self-identity in the space of culture on the example of N. M. Bakhtin.*

The relevance of the work is associated with the increased relevance of the experience of live dialogue, which in modern information reality, on the one hand, appears as an opportunity for unprecedented self-expression and a space for communication and exchange of meanings, on the other hand, as a real danger of drowning in the cacaphony of discord and loss of oneself.

The purpose of the work is through a hermeneutic reading of the works of N.M. Bakhtin, to show that through dialogue a person's personal identity is formed, through existential questioning: «Who am I?».

The authors use a hermeneutic approach to reading the philosophical works of N. M. Bakhtin, as well as a comparative analysis of his ideas and those of the leading philosophers of our time. However, the authors of the article not only analyze the similarity of N.M. Bakhtin with the main philosophies of postmodernism, but also insist on the pragmatic value of his works in themselves.

The authors come to the conclusion that the dialogues of Nikolai Mikhailovich Bakhtin are a wonderful example of the experience of dialogue, which takes on an existential dimension, addressing the very essence of human existence. Nikolai Bakhtin appears as a thinker striving for a living experience of philosophy, trying to find a way to a genuine person who collects and shapes himself into a simple and integral unity in the space of the true culture of a hierarchically ordered cosmos. Thanks to this, the tension of the dialogue keeps the vivid sounding of the word, ready to turn into a deed, and does not allow the voices of the interlocutors to fall into monologue one-sidedness, degenerate into artificial schemes that disidentify and enslave a person's personal integrity.

Key words: *personal identity, culture, dialogue, value, meaning, maieutics, deconstruction, apophatic holism, N. M. Bakhtin.*

Acknowledgments. *The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project 19-413-230020 r_a «Global, national and regional identity of the youth of the Kuban in the context of ideas about the future».*

Cite as: Apollonov, I. A., Chistilina, I. A. (2020) [Apophatic integrity of man and culture in the dialogues of Nikolai Bakhtin]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 79–86. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-79.

Введение

Человек в своём существомном родовом предикате *sapiens* – существо диалогичное, ведь мышление – это беззвучная беседа души с собой [11]. В таком диалоге формируется «Я» человека, как субъектное ядро его сознания, вопрошающее и ищущее ответы. При этом, мысль, обращённая к внешнему миру, имеет и внутреннюю направленность, пробуждающую субъекта мышления, проясняет собственное «Я» человека. Как верно заметил Р. Декарт, «Я» человека примешивается к каждому движению душевной жизни, как нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желающее, не желающее, а также обладающее воображением и чувствами [7, с. 24]. Поэтому осмысленность собственного «Я» человека имманентно присутствует в любой его деятельности и, шире, субъектной активности, которая имплицитно содержит внутренний диалог, направленный на самопонимание собственной субъектности. Причём подобное «Я» представляет собой не только и не столько субъект познания, но и экзистенциальную реальность, имманентно связанную с фундаментом существования человека, его субъектной позиции.

И именно эта реальность мыслящего «Я» человека в контексте диалога актуализируется, сгущается, являет себя в качестве субъекта осмысливающей деятельности. Поэтому разворачивающееся в диалоге напряжённое понимание чего-либо возможно лишь в усилии самопонимания [15, с. 284]. И, поэтому, в контексте диалога совершается «второе

рождение» человека, формируется его личностная идентичность, как ответ на бытийное вопрошание: «Кто я?», поскольку смысловая позиция в диалоге выявляет, проясняет и доопределяет такую «кто-ность».

Однако мыслительный диалог души с собой не сводится лишь к столкновению различных субъективных интенций в голове отдельного человека. Ведь всякий диалог возможен лишь в смысловом пространстве языка, который является не только выражением мысли, но, прежде всего, её орудием. А Людвиг Витгенштейн убедительно показывает, что невозможно существование индивидуального языка, ведь любой придуманный кем-либо знак, каким бы тайным и сокровенным смыслом он не был бы наделён, уже в силу своей знаковости обладает значением и для другого человека, и для вообще любого сознания [6]. Поэтому мышление нельзя свести к индивидуальным мнениям, оно по своей природе intersubjectively и стремится к общезначимости смысла. Соответственно, диалог, разворачивающийся даже в голове отдельного человека, предполагает пространство культуры, которое в данном контексте представляет собой семиосферу, содержащую в себе основания смыслов, значений и значимостей, определяющих содержание субъектной позиции человека.

В пространстве такой семиосферы субъектный вектор диалога, обращён к осмыслению культурных паттернов, фундирующих содержательную часть автопредикатов личностной идентичности, (Я есть

P1, P2, ... Pn), отвечающих на указанное выше бытийное вопрошание. Тем самым, экзистенциальное измерение диалога завязывает сокровенные глубины личностного «Я» человека, его самобытную индивидуальность на внеиндивидуальное содержание культурных паттернов. И такое сопряжение порождает целый ряд экзистенциальных противоречий, в контексте которых ставится под вопрос подлинность человеческого существования. Проявление подобных противоречий, связанных с диалогическими основаниями самоидентификации человека, его личностной свободы и творческой самореализации в пространстве культуры является целью данной статьи.

Актуальность живого опыта диалога возрастает в контексте информационной революции, предоставившей человеку невиданные ранее возможности для самовыражения и общения, в контексте которого им обретаются различные идентификационные позиции. Ведь глобализация это не только объективно происходящие в мире процессы интеграции, но и изменение самой ткани культуры и человека как культурного существа. Человек, казалось бы, обретает всё большую свободу быть собой, поскольку глобализация стирает довлеющие над ним культурные различия [2, с. 28]. Однако оборотной стороной такого стирания культурных границ становится перерождение ценностных оснований самой культуры. Происходит размывание базовых сакральных идеалов, определяющих аксиологическое ядро культуры. Их влияние на носителей социокультурной общности уменьшается [5, с. 75]. Поэтому в лавинообразном расширении возможностей коммуникации, складывается ситуация, когда с каждым годом становится все проще и проще «голосить» на весь мир, выражая себя, но не слыша Другого. Тем самым вместо симфонии диалога получается какофония смысловой несоизмеримости, которая не только разобщает людей, но и расщепляет самоидентификацию личностного «Я» человека. В этой какофонии предметная наполненность слова испаряется, и оно стирается до пустого означающего, превращается в симулякр, который порождает миры иллюзорной гиперреальности, где в равнозначности различных мнений растворяется подлинная реальность, как человеческой личности, так и культуры, фундирующей эту личность.

Методология: экзистенциальная сторона диалога

В данном контексте опыт диалога обретает экзистенциальное измерение, обращенное к самой сути человеческого существования. В этом измерении различные мнения сталкиваются в напряженном поиске того единства смысла, в котором определяется подлинность бытийных оснований человека, который отсекает правду человеческой жизни от

мнимости его обывательских забот и треволений. Такой смысл не столько логичен, сколько персоналистичен: в нем всегда есть вопрос и предвосхищение ответа, в нем всегда двое (как диалогический минимум) [3, с. 372]. Тем самым, в экзистенциальном диалоге самопонимания рождается субъектность человека, вопросно-ответная напряженность его смысловой позиции. Здесь разворачивается процедура майевтики в её самом строгом смысле: как родовспоможения «второй природы» человека, его личностного «Я».

Замечательным примером такой майевтики являются диалоги Николая Михайловича Бахтина. Показательно, что его младший брат – Михаил Бахтин является классиком герменевтической теории диалога, вскрывшим диалогические основания, как индивидуального сознания, так и культуры в целом [14].

Творчество Николая, напротив, дает практические образцы такого диалогизма. При этом интересующую нас интроспективную направленность диалогов русского мыслителя отмечает его комментатор, Сергей Романович Федякин: «каждое из произведений [Н. М. Бахтина] – это фрагмент длительного спора с самим собой, спора в котором автор стремится продумать до конца каждое своё мнение» [4, с. 237]. Здесь важно отметить не только персоналистичность экзистенциальной напряженности такой интроспекции, но и её культуротворческий ракурс: ведь каждый участник таких диалогов: поэт, филолог, философ, легионер - представляет собой не только ипостась личности Н. Бахтина, но и голос соответствующей области культуры, который автор направляет на деятельностное постижение основ человеческого бытия. Так, в антиномичном напряжении смысловых позиций «Разговора о переводах» отражаются не только сомнения самого Николая Бахтина, но и тысячелетняя борьба различных подходов к переводу поэзии [8, с. 49]. Тем самым, экзистенциальное звучание диалога завязывает смысл на бытие, уникальное на Абсолютное.

Раздел 1. Диалогизм Н. Бахтина и постмодерн: общее и различное

Произведения Николая Бахтина – диалоги не только по форме, но и по сути. Диалог здесь не просто риторический прием, при котором автор вводит различных персонажей лишь для того, чтобы оттенить свой голос, сделать его более сильным, а собственные положения – максимально убедительными. В произведениях Н. М. Бахтина личностный голос автора полнокровно звучит в каждом из участников спора. Он не предлагает читателю какой-либо одной правильной позиции, но заставляет напряженно вдумываться в каждую из них. В этом диалогическом напряжении личностных ипостасей автора особняком стоит лишь образ дамы, «прият-

ной во всех отношениях». Ей порой принадлежат резюмирующие реплики, «отсекающие» устремленность других участников диалога в «заумные» дали, за пределы предметного пространства диалога. Тем самым, Дама, хотя и крайне редко вступает в разговор, тем не менее, его удерживает смысловое пространство, поскольку её заинтересованное незнание является центром приложения интеллектуальных усилий «активных» участников диалога.

Содержание диалогов Николая Бахтина, исследующего человека в жерновах антиномии культуры, вызывает особый интерес именно сейчас, в контексте современных философских проблем. Можно сказать, что Николай Бахтин во многом опередил своё время, и сумел увидеть ростки тех тенденций европейской культуры, которые реализовались на рубеже тысячелетий. В настроениях декаданса и ницшеанского нигилизма начала 20 века он разглядел характерологические черты грядущего постмодернизма. Актуальность творчества Н. М. Бахтина, предвосхищение им злободневных идей современной философии отмечает Г. Л. Тульчинский. Главным образом им подчеркивается сомнение философа-легионера в рациональности как таковой. Григорий Львович отмечает, что именно Николай Бахтин первым четко и ясно заявил о необходимости замены логоцентризма «телоцентризмом», предвосхитив, тем самым, провозглашаемую в постмодернизме смену системообразующего центра современной культуры как перехода от Слова к Телу, от интеллектуальности и духовности к телесности, от вербальности к зрительному образу, от рациональности к «новой архаике», когда в центре ментальности и дискурса оказывается тело, плоть [12, с. 324].

В русло постмодернизма можно отнести и огромный массив контркультурных аргументов Н. М. Бахтина. Такие аргументы созвучны, а порой и дословно совпадают с пафосом деконструкции, призванной освободить человека от репрессивной власти культурных ценностей, вокруг которых создаются поработавшие его «социальные машины», «фабрики унификации». В качестве предельного символа таких фабрик рациональной тождественности постмодернисты рассматривают концлагерь: «Освенцим утвердил философу чистой тождественности, которая есть смерть» [1, с. 324]. С ним дословно соглашается Ж. Лиотар: «словом, которое выражает конец идеала разума, является слово «Освенцим» [цит. по: 10, с. 324]. Поэтому постмодернисты рассматривают себя в качестве идейных наследников антифашистского сопротивления. В частности, М. Фуко рассматривает в качестве стратегического противника постмодернизма фашизм, «который во всех нас, который преследует наши умы и наше повседневное поведение, – фашизм, который заставляет нас любить власть, же-

вать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас» [13, с. 9].

Однако за полвека до теоретиков деконструкции и шизоанализа Н. М. Бахтин вскрывает суть подобной власти культурных паттернов в описании демонологии современности: «мы вскормили нашей кровью, нашей волей, нашей мыслью целый сонм демонов... Они стерегут каждый наш шаг, подсказывают нам каждое движение». Среди них Бахтин различает демонов внешнего принуждения: Валюту, «о воле которого по числам и выкладкам гадают современные авгуры»; мелкие бесы цен. Но есть и демоны-соблазнитель, которые овладевают человеком изнутри, проникают в его внутренний состав, и он добровольно, благоговейно и до конца принимает их власть: не только повинуются, но и благоворит. Это демоны истин и идей, многочисленны демоны норм, ценностей, верований, логические законы. Причем оба вида демонов связаны неразрывно: «Внешне принудительные элементы культуры – прямой вывод из того в ней, что для нас внутренне обязательно» [4, с. 73–81]. Как видим, совпадение положений здесь почти дословное, за вычетом того, что сам фашизм для Николая Бахтина был демоном недавно родившимся и пока ничтожным.

Однако на основании такого сходства Н. М. Бахтина не стоит записывать в предвестники постмодернизма. И он интересен вовсе не тем, что высказал схожие с этим направлением идеи, но на несколько десятилетий раньше. Такой подход способен сделать из его взглядов лишь музейно-архивный инвентарь философии 20 века, прагматическая ценность которых ничтожна (как, скажем, чертежи Э. Циолковского для современного инженера-ракетостроителя). Более того, выявление таких параллелей с помощью вырванных из целостного произведения цитат не учитывает главное в работах Николая Бахтина – живого диалога, в котором сталкиваются противоречивые положения во всей их полноте, то есть в заострении лежащей в их основе противоречивости. И при таком подходе видно, что Н. М. Бахтин не только показал основания идей постмодернизма (критика логоцентризма, как «техники умаления бытия до смысла»; деконструкция «демонологии» нормативно-ценностных структур культуры; приоритет телоцентрических практик, как «конкретного, эротического узрения сущего через живое и жадное осязание жизни» [4]), но также вскрыл односторонность и ущербность этих идей, которые не освобождают человека, но ведут его к новому, ещё более страшному рабству.

В этом смысле диалогичность идей Н. М. Бахтина, пытающегося вскрыть смысловые основания антиномичных позиций, ухватить их целостность, противоречит монологической идеологии постмодерна. Ведь в ней, при декларативном утвержде-

нии приоритета разнообразия по сути однозначно утверждается приоритет телоцентризма над логоцентризмом различия над тождеством, множества над единством, бесструктурности ризомы над иерархичностью дерева, видимости симулякра над сущностью понятия, «машины желаний» над «социальной машиной» и, тем самым, расподобляющей самотождественность человека, превращая его в многоликого дивида-Протея [16].

Напротив, легионер-философ всеми силами старается утвердить человека как субъект действия (умерщвлённый М. Фуко) как живое тождество внутреннего и внешнего, которое противостоит «мелькающей мути» призрачного многообразия образов внутреннего мира [4, с. 101].

Раздел 2. Диалог как подлинность основ человеческого бытия

А ведь именно эту «мелькающую мусть» средства информационной революции, в частности, многочисленные социальные сети, вывернут наизнанку, выплеснут вовне, сделают интерактивным и неопределенно множественным личностным «Я» человека. Тем самым создается иллюзорная гиперреальность мира постмодерна, которая поглощает саму действительность, тогда как именно действительность в её подлинности отстаивает легионер-философ.

Николай Бахтин – это мыслитель, стремящийся к живому опыту философии, он пытается найти путь к подлинному человеку, собирающему и оформляющему себя в простое и цельное единство в пространстве подлинной культуры иерархически упорядоченного космоса [4, с. 109]. И предвосхищающая принципы деконструкции критика антигуманных сторон культуры, рассмотрение её антиномической противоречивости представляет собой необходимый поворот на этом пути.

Диалоги Николая Бахтина, поэтому, продолжают традицию майевтики Сократа, которая разрушает повседневную самоочевидность смысложизненных ценностей человека не ради отрицания этих ценностей как таковых, а в напряженном поиске скрытых за такой очевидностью подлинных онтологических оснований «второй природы», в лоне которой человек рождает новую осмысленную целостность, обретая, тем самым, собственную цельность, подлинную самотождественность своего «Я». Показательно, что, несмотря на идущее от Ницше общее негативное отношение к содержательной стороне философии Сократа, Н. М. Бахтин ценит сократовское самопознание, видя в нём живой личный акт, одержимое идеей целостное действие. Идеологи постмодернизма, напротив, деконструкцию рассматривают не как шаг на пути к новой структуре, а в качестве самодостаточной процедуры, разрушающей любые структуры личностной самотождественности, структурность и иерархический порядок

как таковые. В контексте подобной деконструкции вопрос о фиктивности личности и её подлинности в самом широком смысле снимается [9, с. 146]. Но именно эту подлинность и пытается обнаружить Н. М. Бахтин.

Диалогическая острота проблемы подлинности основ человеческого бытия, поиска строгой и завершённой целостности его жизни неразрывно связывается русским мыслителем с рассмотрением человека как существа, наделенного сознанием. Именно сознание выталкивает человека из естественной цельности природной жизни, где все внутреннее без задержки осуществляется вовне. С сознанием человека связывается его свобода выбора, которая открывает возможность разлада в человеке, разрыва между самосознанием и самоосуществлением. Именно поэтому своё собственное единство, которое дано всему сущему самим фактом его бытия, – человек должен силой завоёвывать и волею осуществлять [4, с. 78].

С проблемой внутреннего разлада человека и попыткой утвердить свою целостность в акте решительного действия, утверждающего живое тождество внешнего и внутреннего, неразрывно связана проблема культуры, которую Н. М. Бахтин рассматривает как орудие и средство такого строительства и самоутверждения. Однако это орудие самоутверждения, с помощью которого человек строит «высокий дом форм и символов» чтобы укрыться в нём от хаоса природной жизни, порождает новых демонов, превращающих крепость духа в духовную темницу. Николай Бахтин показывает всю полноту трагизма этой антиномии, которую можно преодолеть только вместе с бытием человека [4, с. 72–73].

Отточенные формулы имманентной двойственности личности и трагической антиномичности культуры выведены в эссе «Разложение личности и внутренняя жизнь» и «Антиномия культуры» – последних философских работах Н. М. Бахтина, в которых он подводит итог «парижского» периода своего творчества. Однако проблемы, которые заключены в них, пронизывают все работы этого периода. И именно в диалогах заостренность данной проблематики открывает читателю практически зримое присутствие той апофатической полноты смысла, которая объемлет антиномичность положений участников диалога.

К примеру, жажда живой полноты жизни, жадного, осязающего постижения реальности в конкретном опыте мира естественным образом требует отказаться от силы абстрактного разума, сводящего различия к тождеству и множественность к единству; умоляющего бытие до смысла, подменяющего мир, «где всё неповторимо, где всякая вещь властно утверждает свою качественную единственность» призрачным двойником: «Абсолютной реальностью», мёртвой, но рациональ-

но неоспоримой абстракцией. Однако, парадоксальным образом, подобная «ампутация» разума, «гордого, непримиримого в своем мужественном требовании последней ясности и последней строгости» тоже уменьшает полноту человеческой личности, растворяет её в алогичной череде ощущений и эмоций. И именно в этом парадоксе открывается апофатическая истина личностной цельности как «пламенного узла противоборствующих, жадно себя утверждающих и вовеки непримиримых энергий» [4, с. 113–118]. Но важно отметить, что культура здесь неотделима от человека, имманентна его надприродной сути со всеми присущими ей антиномиями и противоречиями.

Проблема обретения полноты и цельности человеческой жизни перед лицом Логоса культуры – доминирующая тема работ Н. М. Бахтина. Но наиболее остро и напряженно она звучит в диалоге «Об оптимизме» [4, с. 101–111]. Такое напряжение подчеркивает сам антураж диалога: аскетичный походный быт и боевые стычки Иностранного Легиона. Здесь подчёркивается экзистенциальная противоположность кабинетной учёности. И напряженные мысли в таких условиях испытывают на прочность истины академической науки. Участники диалога условно обозначены «А» и «В» – русские интеллектуалы, заброшенные на край света, которые семь лет провели без книг, и имеют осязательную возможность быть истребленными в любой момент. Их разум очищен от всего суетного и наносного, и они готовы философствовать конкретно, решительно и по существу. За этими участниками угадывается сам Николай Бахтин во всей полноте своего блестящего образования и напряженного драматизма жизненного опыта. Поэтому выведенные автором собеседники вполне согласны друг с другом и относительно любви к трудному и весёлому ремеслу войны, и по поводу твёрдого признания иерархически-упорядоченного космоса культуры.

Коренное несогласие, образующее нерв диалога, связано со смыслом и оправданием, как стихии «весёлого соперничества дней» и «всегдашней готовности ко всему», так и тех ценностей, и идеалов, которые образуют стержень космоса культуры. Бахтин-«В» ищет предельный исчерпывающий смысл, оправдывающий жизнь, делающий её цельной и полнокровной, тогда как Бахтин-«А» принимает непосредственную данность жизни без каких-либо условий, но вместе со всей тяжестью личной ответственности за это избрание.

Автору удаётся показать, с одной стороны, несовместимость этих разногласий, но, с другой стороны, безжизненную однобокость следствий таких позиций. Позиция «В» чревата подменой жизни во всех её конкретных проявлениях абстрактным смыслом, который в ней и через неё осуществляется. А это, в свою очередь, ведет к кощунственной

метафизической сделке, расценивающей мир по какой-то номинальной стоимости; духовной нечистоплотности, перекладывающей личную ответственность за свой выбор на высшие идеалы; наглой уверенности в успехе своего жизненного предприятия. Однако и позиция «А», отрицающего абсолютность смысла и стремящегося к конкретному эротическому узрению сущего в его божественной единственности, оборачивается аксиологическим релятивизмом и моральной индифферентностью – состоянием докультурного дикаря, чуждого какой-либо осмысленности.

Впрочем, участники диалога не соглашаются с подобными крайностями. «В» отказывается противопоставлять смысл и бытие, утверждая «радостное и конкретное постижение бытия как блага и смысла». Для «А» ощущение неподвластности сущего никакому смыслу ведет не к капризному своеволию, раскрепощающему деструктивные хаотические силы, но к гордому и мужественному утверждению человеческих ценностей во всей их конкретности. Однако такие уточнения не уменьшают изначального противоречия смысловых позиций, но лишь заостряют его: абсолютные ценности превращаются в страшные вампирические силы, подминающую под себя сущее и порождающие дегуманизированную культуру, поработавшую человека в самой сердцевине его самосознания. А условность и относительность утверждаемых человеком ценностей вне горизонта Абсолюта, способного оправдать их, теряют всякий смысл и превращаются в фиктивные псевдоценности. И в результате основание выбора позиции осмысления бытия выходит за пределы смысла как такового, к божественной полноте и самоочевидности простого «я есмь», факту бытийного присутствия человека – альфе и омеге становления культуры.

Заключение

Представленный в произведениях Н. М. Бахтина опыт живого диалога вскрывает экзистенциальную сторону Логоса культуры. Подобный Логос разворачивается в антиномическом противостоянии культуротворческого становления, средоточие которого составляет непредумышленная свобода человеческого духа в его броске к высшим идеалам, с одной стороны, и, с другой стороны, объективной данности устоявшихся форм культуры, в которых эти идеалы воплощены. В пространстве этой антиномии онтологическая простота моего присутствия в мире разворачивается в проблему напряженного пути к строгой и завершённой целостности личностной самотождественности, к высшим ценностям и идеалам человеческого бытия. Но именно этот путь в своей предельной конкретности и рождается в таком диалоге, сплетается силовыми нитями напряжения непримиримой антиномии. Этот

путь сопрягает противоречия диалогических позиций, не умаляя ни одну из них. Напряжение диалога удерживает живое звучание слова, готового обернуться делом, и не даёт голосам собеседников выпасть в монологическую однобокость, вырождаясь в искусственные схемы, растождествляющие и порабощающие личностную целостность человека. Майевтика такого диалога позволяет родить-

ся апофатической целостности человека, который непосредственно и решительно признаёт ценности культуры, утверждает в них себя, избегая при этом, как крайностей докультурного хаоса своих страстей и желаний, так и объективного, то есть извне данного, внесубъективного нагромождения абсолютизированных культурных форм.

Литература

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
2. Аполлонов И. А., Чистилина И. А. Проблема межкультурного диалога в рамках либеральной и коммунитаристской традиций // Культурная жизнь Юга России. – 2018. – № 1(68). – С. 27–29.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Бахтин Н. М. Философия как живой опыт. Избранные статьи. Составление, послесловие, комментарии С. Федякина. – М.: Лабиринт, 2008. – 240 с.
5. Беляев И. А. Десакрализация базовых идеалов культуры информационного общества // Философия и культура информационного общества: тезисы докл. Междун. конф. (Санкт-Петербург, 16-17 ноября, 2018 г.). – СПб., 2018. – С. 74–76.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
7. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом. – СПб.: Абрис – книга, 1995. – 192 с.
8. Кочетков А. Н. «Короткое дыхание» Николая Бахтина: «Разговор о переводах» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2019. – № 46. – С. 42–50.
9. Манакова И. Ю. О фиктивности, подлинности и симуляции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 2. – С. 144 – 151.
10. Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика // Субъект, познание, деятельность. – М., 2002. – С. 296–327.
11. Платон. Сократ. Собр. соч. в 4-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
12. Тульчинский Г. Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. – 2000. – № 7. – С. 62–90.
13. Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 9.
14. Чистилина И. А. Герменевтическая концепция М. М. Бахтина: от идеи диалога к проблеме понимания: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 22 с.
15. Gutschmandt H. Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – Т. 33., вып. 3. – 2017. – С. 282–288.
16. Petkov V. A., Gubanova M. A., Romas T. A. The phenomenon of identity in the context of Russian spiritual culture // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 5. – С. 30-35.

References

1. Adorno, T. V. (2003) *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow: Scientific world, 374 p.
2. Apollonov, I. A., Chistilina, I. A. (2018) [*The problem of intercultural dialogue within the framework of the liberal and communitarian traditions*]. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. Vol. 1(68), pp. 27–29. (In Russ.).
3. Bahtin, M. M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva*. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art, 445 p.
4. Bahtin, N. M. (2008) *Filosofiya kak zhivoj opyt*. [Philosophy as a living experience]. Moscow: Labirint., 240 p.
5. Belyaev, I. A. (2018) [Desacralization of the basic ideals of the information society culture]. *Sbornik tezisev VI Mnzhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Filosofiya i kul'tura informacionnogo obshchestva»* [Philosophy and culture of the information society: thesis. report International conf.]. SPb., pp. 74–76. (In Russ.).
6. Vitgenshtejn, L. (1994) *Filosofskie raboty*. [Philosophical works]. Chapter 1. Moscow: Gnozis, 612 p.
7. Dekart, R. (1995) *Razmyshleniya o pervoj filosofii, v koih dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhdru chelovecheskoj dushoj i telom*. [Reflections on the first philosophy, in which the existence of God and the difference between the human soul and the body are proved]. SPb.: Abris – book, – 192 s. (In Russ., transl. from Latin).

8. Kochetkov, A. N. (2019) [“Short Breath” by Nikolai Bakhtin: “A Conversation about Translations”]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University. ON. Dobrolyubova]. Vol. 46, pp. 42–50. (In Russ.).
9. Manakova, I. YU. (2012) [About fiction, authenticity and simulation]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of VSU. Series: Philosophy]. Vol. 2., pp. 144–151. (In Russ.).
10. Ogurcov, A. P. (2002) [Postmodern image of a person and pedagogy]. *Sub’ekt, poznanie, deyatel’nost’* [Subject, cognition, activity]. Moscow, pp. 296–327. (In Russ.).
11. Platoб (1993) *Sofist* [Sophist]. Vol. 2. Moscow: Thought.
12. Tul’chinskij, G. L. (2000) [Nikolay and Mikhail Bakhtin: consonances and counterpoints]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. Vol. 7, pp. 62–90, pp. 70–71. (In Russ.).
13. Foucault, M. (2007) *Predislovie k amerikanskomu izdaniyu «Anti-Edipa»* [Preface to the American edition of Anti-Oedipus]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 672, pp. 9. (In Russ.).
14. Chistilina, I. A. (2006) *Germenevticheskaya koncepciya M. M. Bahtina: ot idei dialoga k probleme ponimaniya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk* [The hermeneutical concept of M. M. Bakhtina: from the idea of dialogue to the problem of understanding. Abstract of dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences]. Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. Krasnodar. (In Russ.).
15. Gutschmandt, H. (2017) Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. Vol. 33. Issue 3, pp. 282–288. (In Engl.).
16. Petkov, V. A., Gubanova, M. A., Romas T. A. (2015) The phenomenon of identity in the context of Russian spiritual culture. *Society: philosophy, history, culture*. Vol. 5., pp. 30-35. (In Engl.).

Информация об авторах:

Иван Александрович Аполлонов, доктор философских наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
e-mail: obligo@yandex.ru

Ирина Александровна Чистилина, кандидат философских наук, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
e-mail: irina_chistilina@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 09.11.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Ivan Alexandrovich Apollonov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
e-mail: obligo@yandex.ru

Irina Aleksandrovna Chistilina, PhD in Philosophy, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
e-mail: irina_chistilina@mail.ru

The paper was submitted: 09.11.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript